

НИКОЛАЙ ГЕРСЕВАНОВ

ПЕТЕРБУРГ И
МОСКВА

Николай Герсеванов
Петербург и Москва

«Public Domain»

1839

Герсеванов Н. Б.

Петербург и Москва / Н. Б. Герсеванов — «Public Domain», 1839

«Полная характеристика двух столиц империи дело слишком трудное и обширное. Гораздо легче составить поверхностные очерки сих городов или заметки, которые путешественник может собрать в короткое время, не пускаясь в глубокие исследования и наблюдая только наружность города и общественные места...»

Николай Герсеванов

Петербург и Москва

(Взгляд и нечто)

Полная характеристика двух столиц империи дело слишком трудное и обширное. Гораздо легче составить поверхностные очерки сих городов или заметки, которые путешественник может собрать в короткое время, не пускаясь в глубокие исследования и наблюдая только наружность города и общественные места.

Большие города почти везде носят отпечаток страны, их окружающей, соединяют в себе умственную жизнь прилегающих областей, служат верным зеркалом обычаев, мнений и нравов окрестных земель. У нас не совсем так. Если Москву можно назвать представительницею, в некоторой степени, средней России, то никак нельзя сказать, чтобы Петербург служил верным изображением северной части государства. Петербург, и это гораздо правильнее, есть новая возрожденная Россия, столица империи; Москва – древняя Россия, или бывшая столица царства. Петербург есть местопребывание двора, чиновников, войска, иностранцев и главный торговый порт. Москва – центр промышленности государства, город мануфактурный и ремесленный и, следовательно, наполненный преимущественно простым народом.

Есть два рода патриотов, в равной степени заслуживающих уважения: одни, воспитанники девятнадцатого века, любят все новое, блестящее. Они путешествовали по Англии и Франции, плыли в Любек на красивом, удобном пароходе, катались по железной Бирмингемской дороге, удивлялись Лаблашу, узнали на самом деле всю негу, весь комфорт новейшей европейской образованности и полюбили его. Они хотели бы найти этот комфорт в России, находят отчасти, только в Петербурге, и предпочитают его. Другие патриоты старого века: они знают свою историю; думают, что Россия могла быть сильна и счастлива при прежнем порядке дел, и потому не любят нововведений. Как Виктор Гюго, они поселяются в той части города, где все напоминает времена давно минувшие. Эти патриоты отдают преимущество Москве. – Да и какой Русский может равнодушно слышать о ней? Не говоря об историческом значении матери Русских городов, нельзя не полюбить ее за доброту, гостеприимство, в противоположность с этикетом и эгоизмом Петербурга. Нельзя не любить ее за набожность, горячий патриотизм, филантропию. Какое же чувство рождается при взгляде на священный Кремль! Предки наши не умели строиться; в городах мало древностей; почти все они в Москве, в Кремле: здесь наша и святыня! Рука времени мало коснулась Кремля; каков он был за 200 лет, таков почти и теперь. Те же золотые маковки, белые стены, башни, ворота; нет только прежней жизни: это величественный памятник, мертвая летопись событий. Кремль застроен храмами, дворцами, монастырями; обывательских домов нет, и он пустынен; только в воскресные дни нарушается его обычный покой. В обыкновенные дни в Кремле царствует глубокое молчание; толпы народа не волнуются у Красного Крыльца; нет пушек на стенах; ратники не расхаживают по башням; огромный часовой в золотой шапке, поставленный Годуновым сторожить Москву, теперь без дела. Бывало, он осматривал окрестность за тридцать верст кругом; ничто не укрывалось от его зоркого глаза. – В Кремле все так, как было задолго, так и остается. Чья рука прикоснется к святыне? Но за чертой Кремля много может и должно измениться. Улицы узки, кривы, косы, нечисты; они были достаточны для прежнего народонаселения, ходившего пешком и не знавшего прихотей экипажа. Теперь в Москве 350 000 жителей; все ездят четверкой; большая часть потребностей для продовольствия привозится сухим путем; мудрено ли, что зимою в иных улицах нет проезда? В Петербурге улицы прямые, широкие, чистые, движение по ним безопаснее, и самый воздух чище. Нельзя не сказать с гордостью, что по наружной красоте Северная Пальмира перешагнула всех своих европейских соперниц. Река, великолепные набережные – луч-

шее украшение столицы, какого ни один город не имеет и не может иметь, упрочивают навсегда ее первенство. Храмы, общественные здания, мосты беспрестанно воздвигаются; дома растут с чудною быстротою; правда, о прочности мало думают: ломкий кирпич предпочитают долговечному граниту; но зато все блестит, все под лаком. Москва как будто не хочет строиться; наружность города не изменяется. Дело сделано: улиц нельзя выпрямить; но можно со временем их расширить или, по крайней мере, устроить порядочные тротуары. Теперь они утомляют скромного пешехода, а в зимнее время просто недоступны: жителей нельзя обвинять в страсти к экипажам. Да и в этом ли одном старушка Москва уступит младшей сестрице? В древней столице нет торцовой мостовой, городской почты, газового освещения, компании для снабжения домов водою. Есть фонтаны, но они устроены в одной части города, и недостаток в воде довольно ощутителен. Вся литературная жизнь Москвы ограничивается *«Московским наблюдателем»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.